

Кропоткин Петр.

Письма

- Письмо П.А.Кропоткина к устроителям лондонского митинга в память Парижской Коммуны
- О заложниках
- Открытое письмо к швейцарской республиканской прессе
- Открытое письмо Петра Кропоткина к западноевропейским рабочим

Письмо П.А.Кропоткина к устроителям лондонского митинга в память Парижской Коммуны

1903, источник: Анархисты. Документы и материалы. 1883—1935 гг. В 2 тт. Т. 1. 1883—1916 гг. — М.: РОССПЭН, 1998.

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

Я очень сожалею о том, что состояние моего здоровья не позволяет мне провести с Вами сегодняшний вечер.

Хорошо пробудить в себе энергию, вдохновившись памятью о славном сражении, в котором выступили 32 года тому назад парижские работники против соединенных сил интернационального капитализма!

Тем более теперь, когда мы вступили в период всеобщего пробуждения рабочих, когда так громко провозгласился и блестяще оправдывается жизнью идеи интернациональной солидарности рабочих всех народов и союзов, как это особенно проявилось в последние, двенадцать месяцев.

Дух старого Международного Товарищества Рабочих, создавший Парижскую Коммуну, вновь ожил. Он проявился в[о] всеобщих стачках в Барселоне, в различных маленьких городах Андалузии, в Бельгии, в Женеве, в Голландии.

Тот же дух и тот же энтузиазм вдохновил угнетаемых рабочих – поляков, евреев и русских, – в Польше, Западной России, Ростове.

Он поддерживал Федерацию доковых рабочих, когда она угрожала нидерландскому правительству бойкотом голландской промышленности, если оно не перестанет принимать репрессивных мер против стачек; он вдохновил и великую американскую стачку углекопов, показавшую всю мощь объединенного Труда и всю ветхость капиталистического государства.

Он поддерживает и вдохновляет народившееся во Франции широкое, великое и могущественное движение, подготовляющее Всеобщую стачку. Возможность последней доказана. Значение ее очевидно. Вот почему буржуазия так трепещет перед ней...

Всеобщая стачка не есть еще социальная революция. Но она будет актом объединения рабочих, актом, который разделит все общество на два лагеря: лагерь трудящихся и ничего не делающих. Она поставит перед человечеством великую проблему труда и эксплуатации, во всей ее наготе, без всяких политических прикрас.

32 года не прошли бесследно, особенно для латинских стран. Всюду пробуждается коммунистическое движение.

«Работайте сами для себя, и пусть другие следуют за вами», «Не приказывайте, а поучайте примером», современный пролетарий понял этот завет Коммуны. И он начинает воспринимать и второй: «Коммунистический строй без замедления, – вот что необходимо для жизни и труда!»

Будем же трудиться для этого и верить, что в скором времени оба принципа будут применены на деле!

О заложниках

1920, опубл.: 1923. Источник: Кропоткин П. А. Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.

Владимир Ильич!

В «Известиях» и в «Правде» помещено было официальное заявление, извещавшее, что Советскою Властью решено взять в заложники эсеров из группы Савинкова и Чернова, белогвардейцев Национального и Тактического Центра и офицеров-врангелевцев; и что в случае покушения на вождей Советов, — решено «беспощадно истреблять» этих заложников.

Неужели не нашлось среди Вас никого, чтобы напомнить, что такие меры, — представляющие возврат к худшим временам средневековых и религиозных войн, — недостойны людей, взявшихся созидать будущее общество на коммунистических началах; и что на такие меры не может идти тот, кому дорого будущее коммунизма.

Неужели никто из Вас не вдумался в то, — что такое заложник.

Это значит, что человек засажен в тюрьму — не как наказанный за какое-то преступление: что его держат в тюрьме, чтобы угрожать его смертью своим противникам. — «Убьете одного из наших: убьем столько-то из ваших». — Но разве это не все равно, что выводить человека каждое утро на казнь и отводить его назад в тюрьму, говоря: «Погодите, не сегодня».

Неужели Ваши товарищи не понимают, что это равносильно постановлению пытки — для заложников и их родных.

Надеюсь, никто из Ваших товарищей не скажет мне, что людям, стоящим у власти, также не весело жить на свете; нынче даже среди королей есть такие, которые смотрят на покушение на их жизнь, как на «особенность их ремесла». А революционеры — так сделала Луиза Мишель — берут на себя защиту перед судом покушавшегося на их жизнь; или отказываются преследовать их, как это сделали Малатеста и Вольтерина де-Клер.

Даже короли и попы отказались от таких варварских способов самозащиты, как заложничество. Как же Вы, проповедники новой жизни и строители новой общественности, можете прибегать к такому оружию для защиты от врагов? Не будет ли это признаком того, что Вы считаете свой коммунистический опыт неудавшимся, и спасаете уже не дорогое Вам строительство жизни, а лишь самих себя.

Неужели Вы так поглощены настоящим, что Вам не приходит в голову, что Вы, коммунисты, — какие бы Вы ни наделали ошибки, — работаете для будущего; и что поэтому Вы не

должны запятнать свое дело такими актами, слишком близкими к животному страху; что именно такие акты, совершенные в прошлом, делают так трудным и новые коммунистические попытки.

Я верю, что для лучших из Вас будущее коммунизма дороже собственной жизни. Один помысел об этом будущем должен заставить Вас отвергнуть такие меры.

Открытое письмо к швейцарской республиканской прессе

2 апреля 1881, источник: [здесь](#).

Вы совершенно справедливо возмущены тем крестовым походом, который предпринят официальной прессой монархических стран, против права убежища в Швейцарии для политических эмигрантов.

Не придавая большого значения инсинуации русских газет, вы совершенно верно ответили на эти нападки, что революционерам, которые сумели провести подкоп в ста шагах от дворца, на улице, находящейся под особым наблюдением Чрезвычайной Комиссии, нет надобности ехать в Швейцарию, чтобы закупить там жестяные коробки и стеклянные трубки, в которых они фабрикуют свои бомбы.

Вы правильно утверждаете, что только сами властители живут иллюзией, что в их стране имеются одни верноподданные, склонившие перед ними колена и что все революционные акты, предпринимаемые для свержения ига самодержавия совершаются лишь по наущению вожаков, живущих за границей.

Наконец вы правильно квалифицируете лакейский прием всех тех лиц, которые, пресмыкаясь перед властителями, уверяют их, что все их благие намерения парализуются конспирациями, ведущимися на берегах Лемана, Сены и Темзы. Но это лишь одна сторона вопроса. Позвольте мне осветить и другую сторону. От имени 5 000, 6 000 товарищей, среди которых я имею много друзей, от имени этих мучеников, гибнущих в тюрьмах от чахотки и цинги, и умирающих на каторге в ссылке, изнемогающих в Нерчинских рудниках, от имени 22 повешенных на виселице, я протестую против утверждения тех негодяев, которые посмели сказать, что это благородное поколение ничто иное как орудие в руках кучки вожаков.

Осмелиться утверждать, что тысячи мужчин и женщин, которые пожертвовали всем для дела, радостями свободы, радостями семьи, радостями самой жизни, отказались от всего, от всего на свете, чтобы помочь русскому народу избавиться от насильников, которые его угнетают, осмелиться утверждать, что эти герои, ничто иное как орудие в руках нескольких человек – это значит оскорблять людей, чьи имена человечество станет произносить с благоговением.

Да, господа, измерили ли вы всю глубину оскорбления, которое вы нанесли тем, кто хладнокровно приносит себя в жертву для того, чтобы победить врага. Всех тех чья жизнь была одушевлена лишь громадным чувством любви к человечеству, которые поднимаются по ступеням эшафота, спокойные, с улыбкой на устах, сожалея лишь о том, что не видят за стенами тюрьмы народ, который они так любили. Измерили ли вы всю глубину оскорбления, которое вы им нанесли, когда делаете вид, что поверили, что они повиновались приказам вожаков?

Вот уже 11 лет, как тысячи и тысячи мужчин и женщин, молодых и старых, бедных и богатых становятся социалистами, зная, что каждый из них будет схвачен через несколько месяцев и погибнет в тюрьме. Но, тем не менее, зная это, они приносят себя в жертву один за другим. Пополняя ряды своих опустошенных батальонов. И это движение пытаются объяснить тем, что оно вызвано несколькими вожаками, живущими в Швейцарии и во Франции.

Нет, господа, русские революционеры научились любить русский народ и ненавидеть самодержавие не в Швейцарии и не во Франции. Свою несокрушимую силу они черпают в стонах нашего народа, в рыданиях солдатки, чей муж умер вчера под розгами и палками и чьи дети умирают сегодня от голода.

Свою ненависть в самодержавию русские революционеры черпают в слезах матерей, которые оплакивают детей, идущих на каторгу.

Сила русских революционеров не в их вождях.

Сила их в гнусном положении нашей страны, которую разграбляют хищники, отнимая от крестьян последнюю горсть муки, для того чтобы собрать сотни миллионов рублей на содержание правящего класса. Сила революционеров в страданиях народа, в преследованиях всех тех кто осмеливается протестовать против гнета.

Сила революционеров в безграничной преданности делу революции передовых крестьян, рабочих и учащейся молодежи, которые стремятся к лучшему будущему, в нравственной и интеллектуальной силе тех, которые идут на службу революции. Революционеры сильны той нравственной поддержкой, какую они встречают во всех классах общества, даже среди самих палачей. Так не говорите же господа о заговорах. Не оскорбляйте мужчин и женщин, перед которыми вы сами преклонились бы, если бы вы их близко знали.

Те люди, которые умирают так, как умирают русские революционеры не получают не откуда приказа. Они сами с высоты эшафота оставляют завет пережившим их товарищам продолжать их дело.

Я надеюсь, что вы найдете место в ваших газетах для этого письма. Мир должен знать правду по этому поводу.

Открытое письмо Петра Кропоткина к западноевропейским рабочим

4 июня 1917, источник: [здесь](#). С началом войны анархистская газета «Temps Nouveaux», в которой постоянно работал Кропоткин, должна была приостановиться, так как почти все ее читатели и подписчики ушли на войну. Вместо нее издательская группа «Temps Nouveaux» — Жан Грав, Кропоткин, Герэн, Поль Реклю, Черкезов и другие — издали ряд брошюр, из которых первая, выпущенная в мае 1916 года, содержала «декларацию» о войне и мире, в ответ на циммервальдские переговоры, а последняя, с рисунками Люса и других, озаглавлена: «Анкета об условиях прочного мира». В этом ряде изданий появилось письмо Кропоткина, писанное им накануне отъезда в Россию, которое мы теперь даем в русском переводе.

Дорогие товарищи и друзья!

Поработав сорок лет в вашей среде, я не хочу уехать в Россию, не сказав вам несколько прощальных слов. От глубины души я вас благодарю за более чем братский прием, который я встретил в вашей среде. Интернационал рабочих не был для меня пустым звуком.

В Швейцарии, во Франции, в Испании, в Соединенных Штатах, всюду в рабочей среде я чувствовал себя в кругу братьев и друзей. Всякий раз, когда мне приходилось принимать участие в вашей борьбе, я переживал лучшие минуты в своей жизни и я чувствовал до самой глубины своего сердца дуновение человеческой солидарности, этого залога лучшего будущего, через границы. Мы переживаем в настоящее время печальные дни. С небывалым ожесточением истребляют друг друга не эксплуататоры и эксплуатируемые, не баре и народ, а целые народности. И чем более я задумываюсь над этой катастрофой, тем более я убеждаюсь, что причина тому кроется не только в существовании отдельных государств, но также в том явлении, которое мы недостаточно предвидели: что целые народы способны быть завлечены своими правительствами и своими духовными вождями в дело завоевания соседних земель и народов, с целью национального обогащения или под предлогом исторических предначертаний.

И, затем, мы недостаточно настаивали на том основном начале, что обязанность каждого истинного интернационалиста — сопротивляться всеми своими силами всякой попытке, откуда бы она ни шла, нашествия на соседнюю страну с целью завоевания, и что он, если нужно, обязан защищать с оружием в руках наводненную с этой целью страну.

Без этого не может быть Интернационала. Без этого Интернационал станет такой же бесплодной и лживой заповедью, как мнимая «христианская любовь к своему ближнему».

Однако громадные размеры и ужасы этой войны пробудили человечество. Они поставили перед ним важные общественные задачи, которые были выдвинуты социалистами сороковых годов и первым Интернационалом, и которыми человечество пренебрегло в то время, за это оно и расплачивается сегодня теми необъятными страданиями, которые созданы этой войной.

«Вы не захотели социализма, — писал Герцен в 1848 г., — так вот, вы будете иметь войну, семилетнюю войну, тридцатилетнюю войну». В сущности, мы видим теперь ее начало, и у нас будет война полных тридцать лет, если все люди с сердцем, умом и знаниями не приложат всю свою энергию, чтобы перестройкой общества помешать ей.

Если русский народ смог прогнать самодержцев, низвергнуть господство чиновничьего и полицейского режима и в несколько дней завоевать главную основу всякой общественной перестройки — политическое равенство всех граждан, то это — благодаря созидательному труду, который велся в России с самого начала войны, добровольно, свободным почином, и который сделал возможной и неизбежной революцию.

В России вспыхнула революция, благодаря необходимости организовать свободно, самопроизвольно потребление предметов первой необходимости на коммунистических и федеративных началах, а также необходимости организовать таким же образом производство, от простого к сложному. И эта самая необходимость дает себя хорошо чувствовать на Западе. Мы все научились, осязательно ощутили истину, проповедуемую социалистами, что ни производство всего необходимого для народа, ни распределение созданных богатств не должны быть брошены на произвол судьбы и свободной конкуренции. Еще менее могут они быть предоставлены жадным к наживе людям, борющимся между собой из-за раздела добычи. Мы все убедились, что эти две основные отрасли человеческой жизни должны, во что бы то ни стало, быть организованы, с целью удовлетворения нужд всех и, следовательно, общественный капитал, необходимый для производства, должен быть централизован.

Всего три года тому назад эту программу считали утопией. Даже самые передовые рабочие социалисты не признавали возможности ее осуществления и думали, что это будет сделано только будущими поколениями. И вот, немедленное решение этих основных задач социального вопроса стало необходимостью в силу стечения обстоятельств во время войны.

Таким образом, надвинулась необъятная работа общественного строительства. Уже нет разговоров об утопии: нужно строить по новому плану, без замедления, по плану, основные линии которого уже очерчиваются. И давно пора, чтобы рабочие взяли в свои руки, без

колебаний, это дело перестройки, не дожидаясь, чтобы Государство сделало это за них. Существенные черты общественной перестройки уже отмечены самой жизнью: все производство необходимого, равно как и распределение созданных богатств, должны быть организованы для удовлетворения непосредственных нужд всех.

Уже вопрос идет не о том, чтобы увеличить заработную плату на несколько франков в неделю (которые, впрочем, вскоре поглощаются целой тучей эксплуататоров); нужно, чтобы рабочие-производители стали сами распорядителями всего общественного производства, чтобы они определяли цели и средства производства и чтобы общество признало за ними право располагать с этой целью общественным капиталом.

Как только война окончится, вы должны будете, товарищи и друзья, приняться за эту огромную работу. История человечества возложила её на вас: вы должны принять на себя этот труд. Но прежде всего не забудемте, что война ещё не окончена. Мы приближаемся к высшему моменту, который решит результаты войны, и всякая слабость в эту минуту может иметь пагубные последствия для прогресса всего человечества.

Мы все жаждем мира. Никто из нас не хочет более бойни. Но простого желания недостаточно. Нужно иметь силу, чтобы принудить прекратить бойню тех самых, кто ее начал. А до сих пор германский народ не проявляет, что он понял, что его правители вовлекли его в безумную затею, не осуществимую и без исхода.

Германская нация еще не сознаёт, что план обогатить германский народ внезапным нападением на соседей и быстрыми завоеваниями на Западе и на Востоке, потерпел крушение; что она должна отказаться от захваченных земель, власть над которыми она не может удержать конечной победой.

Как ни печально убедиться в этом, но ясно, что германский народ ещё требует, чтобы это ему доказали силой оружия, а тем временем его правительство старается сеять разногласия между союзниками.

Остался только один исход: нужно сделать последнее усилие, чтобы убедить массу германского народа, что его вожди, втянув его в эту войну, совершили преступление против человечества и сделали безумный шаг.

И как только война кончится, нужно будет снова приступить к коренной перестройке, общественные основы которой уже намечены самой жизнью и даже признаны очень многими: социализация общественных богатств, социалистическое производство и социалистическое распределение созданных богатств.

Если эти основы будут широко признаны, народный здравый смысл и согласованные усилия всех найдут средства для достижения цели с наименьшей борьбой и наименьшими разрушениями.

Россия присоединится к вам в этой работе. С братским приветом от всего сердца с вами
Петр Кропоткин
4 июня (н. с.) 1917 г.